

II. НОВІ АСПЕКТИ ДОСЛІДЖЕННЯ ЛІТЕРАТУРИ ХІХ СТОЛІТТЯ

УДК 821. 111-311 «17»

Т. Н. Потницева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОТ НЕВЕДЕНИЯ К ОПЫТУ: КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ М. УОЛСТОНКРАФТ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ У. БЛЕЙКА

Розглянуто полеміку В. Блейка з ідеями М. Волстонкрафт, яка втілена в його ілюстраціях до книг про дітей «жінки Французької революції».

Ключові слова: фемінізм, просвітництво, романтизм, Французька революція, раціональне, чутливість, уява.

Исследуется полемика У. Блейка с идеями М. Уолстонкрафт, которая воплощена в его иллюстрациях к книгам о детях «женщины Французской революции».

Ключевые слова: феминизм, просвещение, романтизм, Французская революция, рациональное, чувствительность, воображение.

The article focuses on W. Blake's polemics with the ideas of M. Wolstonecraft being embodied in his illustrations for the books about children by the "woman of the French revolution".

Key words: feminism, Enlightenment, Romanticism, French revolution, rational, sensibility, imagination.

«Оригинальные истории» Мэри Уолстонкрафт (Original Stories from Real Life: with Conversations Calculated to Regulate the Affections, and Form the Mind to Truth and Goodness) [24] – одна из дидактических книг для детей знаменитой «женщины Французской революции» [9], лидера феминистского движения в Европе. Во многом, полемизируя с взглядами Руссо, автор этих историй попыталась дать свою оценку сущности воспитания человека, и прежде всего женщины.

Написанная в 1788 г., книга была переиздана несколько раз – в 1791 и 1796 гг., уже с иллюстрациями Уильяма Блейка. С английским поэтом-романтиком М. Уолстонкрафт была знакома по кружку радикалов, в который он ее и привел. Как известно, здесь общались и высказывали свои взгляды на различные проблемы социально-политического, нравственного и культурного обновления общества Томас Пейн, Уильям Годвин, Кольридж, Вордсворт. Сюда был вхож и известный издатель Джозеф Джонсон (Joseph Johnson, 1738–1809), который и предложил М. Уолстонкрафт написать книгу в духе популярных в ту пору дидактических историй. Их авторами были известные писательницы того времени, книги которых нередко издавал все тот же Джонсон. Среди них – Анна Барболд (Barbauld Anna Laetitia, 1743–1825) – «ключевая фигура» среди женщин-писательниц [18, р. 49], Сара Триммер (Sarah Trimmer, 1741–1810) – автор не только популярной книги для детей «Истории-басни»¹ ("Fabulous Histories", 1786), но и издатель журнала «Блюстителю образования» ("The Guardian of Education").

Книги Триммер формируют определенный канон для подобного рода произ-

¹ Под влиянием Триммер У. Годвин напишет свои истории-басни – "Fables, ancient and modern" (1805).

ведений, на который позднее ориентируется М. Уолстонкрафт². В ее «Оригинальных историях» – та же система узнаваемых персонажей: наставница (мисс Бенсон у Триммер, миссис Мейсон у М. Уолстонкрафт) и двое детей; тот же «сюжет» – прогулки с детьми на природе, поучительные истории, их анализ и дидактический вывод. Истоки такой модели, однако, можно обнаружить задолго до книг Триммер: например, в одной из популярных в свое время книг С. Филдинг «Гувернантка» (1749). И «сюжет», и персонажи были здесь те же: воспитательница девочек, миссис Тичем, после очередной рассказанной ею истории предлагала своим воспитанницам высказаться и таким образом извлечь моральный урок [10, с. 70]. М. Уолстонкрафт была увлечена книгами о воспитании девочек и самой личностью графини де Жанлис³ (1746–1830) – фигуры, известной в европейской истории конца XVIII века. Но разочарование в ней последует очень быстро, причем именно в связи с принципами воспитания женщины (оно, по убеждению М. Уолстонкрафт, не зависит, как думала де Жанлис, от того, насколько женщина может приспособиться к обстоятельствам [23, р. 60]), и взглядами на Французскую революцию. Кроме того, стоит упомянуть еще одного популярного автора педагогических книг о детях – немецкого педагога Кристиана Зальцмана (Christian Salzmann, 1744–1811), чья книга «Составляющие нравственности» (“Elements of Morality”) переводилась на разные языки. На английский язык ее переводила М. Уолстонкрафт – и не столько по просьбе Джонсона, сколько по причине собственной заинтересованности идеями и структурой книги. В «Оригинальных историях» английская писательница по-своему воссоздаст и руссоистскую идею Зальцмана о сближении человека с природой, и структуру произведения, в основе которой были истории на определенные темы – о жадности, страхе, лжи, молитве, радости и т. д. В 1791 г. книгу К. Зальцмана Блейк будет иллюстрировать одновременно с книгой М. Уолстонкрафт.

«Оригинальные истории» М. Уолстонкрафт представляют собой определенный интерес и в контексте истории жанра литературы для детей, и в контексте темы образования и воспитания человека, которая в эпоху Просвещения становилась «большой частью политической историей идей» [7, с. 248]⁴. Не случайно и в своем главном политическом трактате «В защиту прав женщины» (A Vindication of the Rights of Woman, 1792) лидер феминизма снова поведет речь об образовании вообще и женщины в частности. То, что для нее это – ключевая проблема в становлении нового человека, М. Уолстонкрафт подчеркнет в предисловии ко всему произведению, посвященному Талейрану, с которым писательница познакомится в революционной Франции.

На пороге революционных потрясений, которые заставят пересмотреть былые взгляды и убеждения, многие еще охвачены оптимистичной верой в скорое преобразование общества и жизни. И даже Блейк, с именем которого связывают начало истории английского романтизма, задумывает свои «Песни неведения и опыта» в русле просветительской темы образования и воспитания и под влиянием «иллюстрированных детских книжек и гимнариев» [11, с. 14]. Но в 1791 г., когда Блейк иллюстрировал книги М. Уолстонкрафт и К. Зальцман, в его художественном и философском сознании уже вызревали те изменения, зарождались те «песни опыта», которые обусловили полемический, критический взгляд на систему взглядов его современников.

² Союз Джонсона и Триммер вскоре распадется из-за политических расхождений. Писательница решительно осуждала как Французскую революцию, так и философов, особенно Руссо, которые ее подготовили идеологически.

³ О роли де Жанлис в истории женского образования во Франции XVIII в. См. [3].

⁴ Литература подобного рода играла огромную роль в общем социально-политическом движении, хотя сегодня нередко литературоведы оценивают «Оригинальные истории» М. Уолстонкрафт лишь как «гнетущую дидактическую книгу» (“oppressively didactic book”). См. [19].

«Оригинальные истории» написаны М. Уолстонкрафт до драматических событий ее жизни – поездки во Францию, где она воочию увидит последствия Французской революции, знакомства с Джильбертом Имли (Imlay, Gilbert, 1754–1828) – американским авантюристом, писателем, который жестоко отвергнет чувства своей возлюбленной, после чего последуют две попытки ее самоубийства. Но это все будет позднее. Пока же М. Уолстонкрафт пишет свои «песни неведения», размышляя через образ ребенка о воспитании человека и общества в целом. Для нее образ ребенка, девочки – маленькой женщины – предстает еще в духе просветительских учений. Мэри и Каролина из «Оригинальных историй» – лишь объект для педагогического и социально-философского эксперимента, а не воплощение универсального идеализированного состояния человека в его невинности и неведении, каковым предстанет образ ребенка и детства у романтиков. В восприятии М. Уолстонкрафт ребенок – «низшая ступень в развитии человека, потому что разум находится в своей поре детства, а разум – именно то, что делает человека выше животного» (“is inferior to a man; because reason is in its infancy and it is reason which exalts a man above a brute...”) [24, Chapter III].

Все поучительные истории, рассказанные в «Оригинальных историях», подчеркивают необходимость гармонии «между разумом и чувством девочек для того, чтобы они стали взрослыми» [15]. В русле феминистского движения времени и в полемичном задоре, направленном прежде всего против взглядов на воспитание женщины Ж. Ж. Руссо, М. Уолстонкрафт пытается доказать возможность и для женщины занять статус «разумного существа», в котором ей отказывает автор «Эмилия». Она решительно отрицает суждение французского просветителя о вторичности, неполноценности женщины в сравнении с мужчиной. Все это позволяет усомниться в категоричном утверждении Б. Линнея о том, что М. Уолстонкрафт была «поклонницей Руссо» [5].

Способность женщины проявить потенциал своего интеллекта, разума заметна, как стремится показать в своей книге для детей М. Уолстонкрафт, уже на первых стадиях правильного обучения девочки [16, р. 51]. Художественная, эмоционально-образная форма книги позволяла писательнице с большей выразительностью, чем в полемических трактатах (и в этом можно согласиться с исследовательницей Сюзан Кин Ло), высказать свои мысли «о разуме, чувствах и добродетели» [14, р. 74].

«Оригинальные истории» были вызовом Руссо, его взглядам на то, что женщина не должна эволюционировать в своем интеллектуальном развитии, поскольку она – лишь дополнение к потребностям мужчины [8, с. 555]. М. Уолстонкрафт, напротив, стремится убедить своего читателя в том, что особое внимание должно быть обращено на воспитание (интеллектуальное в том числе) девочек и женщин. Свидетельством того, насколько она была уязвлена идеями и взглядами Руссо⁵ и озабочена тем, чтобы опровергнуть их, – издание одновременно с «Оригинальными историями» целого ряда книг, посвященных образованию женщины: «Мысли об образовании дочерей» (Thoughts on the Education of Daughters, 1787), «Говорит женщина» (The Female Speaker, 1789), перевод книги К. Зальцман «Составляющие нравственности». Кульминацией всех размышлений на эту тему оказывается, безусловно, главный труд М. Уолстонкрафт «В защиту прав женщины» (1792).

«Оригинальные истории» М. Уолстонкрафт по жанровой сути вряд ли можно было бы назвать «оригинальными». В них используются, как было отмечено, схема, модель и система персонажей, характерные для большинства книг на тему воспита-

⁵ По словам Руссо, «... женщины и мужчины созданы друг для друга, но они не в одинаковой мере зависят один от другого: мужчина зависит от женщины в том отношении, что она удовлетворяет его вожделения...» [8, с. 555].

ния ребенка и воспитания девочек в частности. Как и у всех перечисленных авторов подобного жанра, у М. Уолстонкрафт три персонажа: воспитательница, миссис Мейсон, и две девочки – Мэри (14 лет) и Каролина (12 лет)⁶, которые были отданы на попечение своей наставнице после смерти матери, поскольку отец не захотел обременять себя заботой о них. Романтическая тема сиротства, одиночества, потерянности (блейковское “a child lost and found”) таким образом имплицитно входит в контекст просветительского дидактического произведения автора, что не мог не почувствовать и по-своему отобразить создатель иллюстраций к книге.

Традиционна для подобных произведений и жанровая форма – беседы (conversations) наставника/наставницы и ее воспитанниц по поводу разных поучительных историй, из которых следует извлечь нравственный урок. Все истории, которые миссис Мейсон рассказывает своим подопечным, составляют 25 глав на различные темы. Речь идет об обращении с животными, о вреде лжи, о чести, истине, добродетели души, опасности проволочек, о правилах обращения со слугами, о последствиях злости и т. д. Все это иллюстрируется примерами из реальной жизни, или, скорее всего, примерами, придуманными самой Мейсон. Отсюда – промежуточное положение «Оригинальных историй» М. Уолстонкрафт между педагогическим трактатом и художественным произведением, которое отмечают и в «Эмиле» Руссо [1, с. 840]. Но смесь морализаторства и знания, характерная для литературы и идеологии XVIII в. [25], приобретала у английского автора книги о девочках новые акценты и новые проявления, что парадоксально, в образе самой миссис Мейсон. С одной стороны, она – воплощение разума, который руководит всеми ее решительными и, скорее, по-мужски жесткими поступками. В главе «Обращение с животными» на собственном примере наставница показывает девочкам, как надо избавлять живое существо от физических мучений: на глазах Мэри и Каролины Мейсон убивает петуха, который пребывал в мучениях от ран, нанесенных ему проказником-мальчишкой. Жесткость Мейсон сочетается с убежденностью в правильности действий и четком понимании того, что есть добро и зло. Мэри признается Каролине в этой же главе, что она боится наставницы, которая «иногда выглядит такой чрезвычайно добродетельной» (“she looks so very good-natured sometimes”). Девочек и удивляет, и даже пугает бесстрашие Мейсон перед явлениями природы, например грозы. А рациональные объяснения Мейсон, почему не надо ее бояться, привносят в души детей не столько успокоение, сколько еще большее беспокойство и страх. Но при всем при этом в Мейсон не исчезает то, что присуще женщине – чувствительность, сентиментальность. Подробно описывая сцену избавления петуха от мук, М. Уолстонкрафт подчеркнет некоторые существенные детали поведения Мейсон: убивая несчастную птицу, она все же отвернет от нее свой взгляд, повернет голову в сторону (“she put her foot on the bird’s head tarring her own another way”). При всей своей маскулинности Мейсон способна расплакаться по разным печальным поводам, которые навевают ей воспоминания о собственных жизненных печалях. Об одной из них – смерти собственного ребенка – она вспомнит в главе XXIII, где рассказывается о трагических происшествиях с девушкой Пегги. Да и многие ее истории нередко призваны прежде всего к тому, чтобы вызвать сочувствие и сострадание, а уже во вторую очередь – послужить уроком. Эту «другую Мейсон» распознает Блейк и покажет в одной из иллюстраций под названием «Стараясь следовать туда, откуда раздавался звук, я обнаружила маленькую хижину, построенную примитивным образом» (“Trying to trace the sound, I discovered a little hut, rudely built”). Рисунок иллюстрирует историю о валлийском арфи-

⁶ Исследователи отмечают автобиографический момент в создании этих образов. В жизни М. Уолстонкрафт была некая мисс Мейсон во время ее учительства, а когда она была гувернанткой в Ирландии, ее подопечными были девочки по имени Мэри и Каролина. См. [20; 21, p. 67].

сте (гл. XIV), но важнее оказывается не образ играющего на арфе юноши, а та одухотворенность образа Мейсон, устремившейся не только на звук божественной мелодии, но и на сияние непостижимого света, льющегося из хижины и возвышающего всех, кто попадал в его пространство.

При всем полемичном задоре и остроте споров с идеологом французской революции М. Уолстонкрафт в сущности оставалась его союзником и единомышленником по главным принципам радикального преобразования общества. Уточнялась лишь гендерная проекция в реализации этих принципов, сама возможность женщины быть на равных с участниками революционного преобразовательного процесса. Отсюда и замеченная исследователями маскулинизация идеальной женщины М. Уолстонкрафт. По сравнению с идеальной женщиной Руссо ее миссис Мейсон на самом деле предстает в непривлекательном облике «рассудительной и прямой учительницы» (“a rational and sincere teacher”), в которой акцентировалось не женское начало, а «нравственный облик и идеология среднего класса» (“middle-class ethos and ideology”). Она, скорее, вызывает антипатию своей «надменностью и чувством превосходства» (“arrogance and superiority”) [24], в которых мало человеческого и слишком много от идеологических намерений ее создателя.

Эти намерения изложены в пафосном предисловии к книге, в формулировке тех задач, которые будут усовершенствованы и доведены до блеска в трактате «В защиту прав Женщины». Они касаются роли разума в процессе воспитания, знаний, которые должны формироваться на наглядных примерах, воздействующих на чувство ребенка. В этом М. Уолстонкрафт близка идее Руссо о первичности эмпирического эмоционального опыта, но знания, почерпнутые из книг, не менее важны для нее, когда речь идет о воспитании девочек. Эмпирический опыт, по мнению автора «Оригинальных историй», развивает аналитические способности ребенка, помогая ему постигнуть истоки добродетели и порока. Здесь же речь идет и о необходимости резонерства, морализаторства, способствующих тому, чтобы принципы справедливости и человечности лучше закрепились в сознании юного существа на прочном и простом фундаменте [24]. В любом случае размышления о сущности сознания и мировосприятия ребенка, о процессе его формирования в согласии взглядов или в их полемичном противопоставлении готовили в недрах Просвещения, которое, собственно, и открыло тему детства [7, с. 248], переход к новому, романтическому образу ребенка и детства. Потенциальная возможность всего этого была заложена и в творчестве М. Уолстонкрафт, в тех некоторых парадоксальных несоответствиях внутри ее морально-дидактических повествований, которые позволяли не только критиковать очевидное, но и видеть иную проекцию идей и суждений писательницы.

Иллюстрации Блейка к «Оригинальным историям» М. Уолстонкрафт – одна из первых «встреч» просветительского и романтического их понимания, хотя все предпосылки для смены идеологической и эстетической парадигмы были заметны уже в самом творчестве «женщины французской революции».

То, что к иллюстрациям книги М. Уолстонкрафт приступает в большей мере автор вызревавших «Песен опыта», а не «Песен неведения», свидетельствует появившийся в это же время фронтиспис к «Составляющим нравственности» К. Зальцман. Иллюстрация названа Блейком «Что со мной будет?» (“What will become of me?”). На ней изображен испуганный ребенок, прижавшийся к огромному дереву в лесу. Это, может быть, тот «заблудившийся мальчик» из «Песен невинности», но к которому вряд ли придет спасение в образе Господа и Отца в белых одеяниях («Когда, наконец, Господь и Отец / Весь в белом явился к нему» [2, с. 58]). В иллюстрации к собственному стихотворению о заблудившемся мальчике из «Песен невинности» Блейк символизировал спасение ребенка в образе сияющего огня, который указывал путь ребенку. В иллюстрации к книге Зальцман –

картина безнадійного отчаяння і страху: ще одному заблудившомуся ребенку спасення шукати неоткуда.

Ілюструючи одночасно книгу М. Уолстонкрафт і К. Зальцман в її перекладі, Блейк при всій симпатії до політичним поглядам соратниці по радикальному кружку критично відносився до її концепції виховання дитини. Він по-романтично бачив надмірність раціоналізації представлених М. Уолстонкрафт відносин наставниці і вихованців, суровість і безрадощність самого образу мисис Мейсон, яка його лякала. В його сприйнятті вона представляла некою мисис Ничейпапа Мейсон, Убийця Радості, розчаровуюча няня (Mrs. Nobodaddy Mason, Killjoy, disenchanted nurse [19]) з його власного вірша «Пісня няні» з «Пісень досвіду», яка передвіщує кінець дитинства і настання зими («Ваше юне час проходить в грі / Ваше зимнє час гряде [2, с. 178]). Мисис Мейсон – головний об'єкт критики Блейка. На фронтисписі до «Оригінальним історіям», призначеному відобразити найбільш характерні моменти змісту книги, критичний пафос Блейка очевидний. Назва малюнка – «Подивіться, яке прекрасне ранок! Комахи, пташки і тварини – всі насолоджуються життям!» (“Look what a fine morning it is! Insects, Birds, and Animals are all enjoying existence”). На ньому зображена мисис Мейсон в супроводженні своїх дівчаток на черговій навчальній прогулянці. Але деталі зображуваного персонажа книги змушують усумнітися в щирості заголовка. В центрі малюнка – Мейсон з широко розпахнутими руками, поруч з нею з двох сторін діти – Мэри і Кароліна, уважно вдивляючись до оточуючого. Круглі шапки у них на голові нагадують нимб, очі широко відкриті, а погляд устремлений вгору, до божественного, неземного, скоріше всього, кудись далі від наставниці. Блейк як би втілює в малюнку слова з «Гімнів в прозі для дітей» А. Барболд: «Дитя не дуже уважливе! Неужели ти нічого не можеш побачити, якщо ти не бачиш траву, квіти, дерева, корів? Підними свої очі від покритої темноту ґрунту до неба, які простягаються у тебе над головою...» (“Child of little observation! Canst thou see nothing because thou canst not see grass and flowers, trees and cattle? Lift up thine eyes from the ground shaded with darkness to heavens that are stretched over thy head...” [12, p. 52]). Зображений художником жест Мейсон – розпахнуті руки – викликає у дослідників асоціації її образу з образом хреста, «захисного героя, який жертвує собою» (“a protective cruciform sacrificial hero” [17, p. 25]). Цей виразивий жест – наче порив, бажання огородити, захистити дітей. Але від чого? Про це Блейк буде розмішляти в своїх «Піснях досвіду», але тривожність з приводу загрози, надвигаючої небезпеки – і не тільки для дитини – вискаже, а бути може, почує і в самій книжці М. Уолстонкрафт, в глибині її видимого благополучного світу з ясним розмежуванням добра і зла. Найголовніша деталь в обличчі наставниці – погляд вниз опущених, а скоріше, закритих очей – наводить на інші думки і на зовсім інше сприйняття цієї важливої фігури серед трьох. Саме вона, яка призиває поглянути на світ і насолодитися його красою, нічого і не може бачити навкруги. Її буквальна неспроможність щось побачити символізує сліпоту духовну⁷, а важка неуклюжа шапка на голові – важке брем'я виховання дітей, яке їй не по плечу і яке їй не винести.

Блейк створює п'ять ілюстрацій до книги М. Уолстонкрафт, але є одне розходження в наборі малюнків до видань 1791 і 1796 рр.

⁷ Любопитно, що на одному з малюнків – фронтисписі до власної книжки для дітей “For children: Gates of Paradise” (1793) під назвою «Що є людина» (What is man!) – Блейк зображує на листку дерева личинку, з якої проглядається майбутній чоловік. Його очі закриті. Чи це чи завжди?

К изданию 1791 г. Блейком был предложен рисунок «Собака старается привлечь его внимание. Он сказал: „Ты не покинешь меня“» (“The Dog store to attract his attention. He said. ‘Thou wilt not leave me!’”), который иллюстрировал историю миссис Мейсон о несчастном Джеке и его псе Помпее – последнем близком живом существе, которого у него отнимают (Глава VIII. Развлечения летними вечерами). На рисунке изображена картина безутешного горя и скорби: на столе лежат два трупа умерших детей Джека, а перед ними застывший в горе отец, к ногам которого прильнул пес с вопросительным выражением глаз. Этот рисунок был заменен в 1796 г. другим, под названием «Мы на самом деле очень счастливы» (“Indeed we are very happy”). К этому времени острога полемичного взгляда Блейка обуславливала сохранение им во всех рисунках того принципа иллюстрирования книги, который был воплощен художником начиная с фронтисписа 1791 г. Внутренняя полемика с автором «Оригинальных историй» воплощена практически везде в контрасте между названием рисунка и его изобразительным планом. Всеобщее счастье на картине «Мы на самом деле счастливы» оказывается весьма сомнительным. Улыбки, скорее вынужденные, для поддержания духа детей – только на лицах отца и матери. Двое детей явно в испуге прижались к ногам матери, а третий – мальчик – с насупленными бровями и угрюмым выражением лица выглядывает из-за стула, на котором сидит отец. Дети не могут притворяться и изображать счастье, которого нет. Этот испуг, настороженность и недоверие детей по отношению к взрослым будет подчеркнут Блейком в каждом рисунке. Так, в иллюстрации под названием «Пожалуйста, успокойся, дитя мое! Помни, что сегодня ты должен совершать только добрые поступки, на которые способен!» (“Be calm, my child, remember that you must do all the good you can the present day”) настораживает уже само обращение «успокойся, дитя мое». Почему? Что встревожило детей, которые показаны на рисунке в знакомой позе, выражающей тревогу и испуг ребенка? Это – девочки Мэри и Каролина, которых миссис Мейсон вывела к заброшенному пруду и руинам какого-то здания. Рисунок иллюстрирует одну из драматических историй о Чарльзе Таунли, который из-за порочных черт своего характера сам привел себя к гибели (Глава X. Опасность проволочек. Описание жилища в руинах. История Чарльза Таунли (Ch. X. The Danger of Delay. Description of a Mansion-house in Ruins. History of Charles Townley).

Такой же контраст названия и сути изображаемого в рисунке под названием «Экономия и самопожертвование необходимы в любом положении, чтобы научить нас великодушию» (“Economy and self-denial are necessary, in every station, to enable us be generous”). Морально-дидактическое изречение в духе миссис Мейсон контрастирует с тем, что показано Блейком: на рисунке изображена семья в абсолютной нищете и отчаянии. И родители, и дети – в согбенных позах и с опечаленными лицами. Лишь женщина-мать повернула голову и с удивлением смотрит на вошедших в их опустошенное жилище посетителей. Это, безусловно, миссис Мейсон с Мэри и Каролиной, которые напуганы увиденным и в страхе прижимаются к наставнице. Весьма сомнительно, что после этой сцены они смогут внимать ее нравоучениям по поводу экономии и самопожертвования.

Тема смерти, трагических историй с людьми, на примере которых наставница желает дать урок добродетели своим ученицам, преобладают в книге М. Уолстонкрафт. Чего стоит одна только история о Чарльзе Таунли или о бедном Ллофти (гл. XVI), который не щадил ближних, обидел брата, убил своего противника, но дошел до самоубийства, потому что видения, кошмары, в которых появлялись обиженные им люди, не давали ему жить. Эмоции страха, острого переживания ситуации подкрепляются Мейсон еще и тем, что она приводит детей в те мрачные места, где происходили события, о которых она рассказывала. Переполющая свое произведение, предназначенное для детей, атмосферой страха, эмоционального

напряжения, М. Уолстонкрафт, тем не менее, не противоречит идеологии и эстетике своего времени. В этом – ее безусловная связь с философией ассоциативных идей Локка, который был убежден, что ребенок ассоциирует идеи со страхом и темнотой⁸. Но главное, что более заметно в таком эмоциональном векторе «женского» произведения на «женскую» тему, – очевидная демонстрация автором своего умения оперировать «мужской» категорией «возвышенного» (sublime) [13, р. 37]. А вместе с этим – умения осваивать уже романтические принципы эмоционального воздействия с помощью воображения, которое создаст почти блейковскую “fearful symmetry”. Но само воображение еще трактуется в контексте просветительской идеи о том, что оно (воображение) – лишь помощник разума (по С. Джонсону), что оно способствует объединению удовольствия с истиной [4, с. 316]. Говоря о важности знания, М. Уолстонкрафт не раз подчеркнет роль воображения в процессе обучения (пока еще “imagination” и “fancy” в ее трактовке – синонимы). Об этом речь пойдет в главе XIII, в разделе «Развитие воображения, которое возвышает нас над вульгарностью, умножает наше счастье и ведет к добродетели» (“The Cultivation of the Fancy raises us above the Vulgar, extends our happiness, and leads to Virtue”). И все же при всем этом М. Уолстонкрафт, как справедливо считает Дж. Саммерфилд, делает значительный вклад в развитие и становление романтического понимания сущности и роли воображения уже тем, что она «реабилитировала его значимость в связи с темой детства и ребенка», подготавливая суждения о нем и художественное воплощение в творчестве Вордсворта, Лэма, Кольриджа, Де Квинси (“The rehabilitation of the imagination, especially in connection with childhood and the child’s peculiar culture, did not in the event wait on Wordsworth, or his derivatives, Lamb, Coleridge, or De Quincey”) [19].

В этом перечне не хватает только Блейка, который одним из первых преугадал дальнейшее развитие того, о чем писала в своих детских книгах М. Уолстонкрафт. Своими иллюстрациями к «Оригинальным историям» М. Уолстонкрафт в 1787 г. Блейк создал то напряжение между неведением и опытом, которое в начале 90-х гг. испытывал сам. Пройдет всего несколько лет, и великие испытания выпадут на долю знаменитой женщины эпохи Просвещения и Французской революции. Новый, постреволюционный опыт и жизненные обстоятельства [6] заставят ее совсем по-другому взглянуть на те высокие идеалы и принципы, о которых с такой убежденностью писала в своих книгах.

Библиографические ссылки

1. Бахмутский В. Я. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании : комментарии / В. Я. Бахмутский // Избр. соч. : в 3 т. / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Изд-во худож. лит., 1961. – Т. 1. – С. 839–847.
2. Блейк У. Песня няни / Уильям Блейк ; пер. А. Строкиной // Песни невинности и опыта. – М. : Центр книги «Рудомино», 2010.
3. Демидовская А. Е. Женское образование во Франции XVIII в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Архангельск, 2009.
4. Красавченко Т. Н. Воображение и фантазия / Т. Н. Красавченко // Европейская поэтика. От античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. – М. : Изд-во Кулагиной; INTRADA, 2010.
5. Линнелл Б. Портрет Уильяма Блейка [Электронный ресурс] / Б. Линнелл // Всемирная история в лицах. XVIII век. – Режим доступа: <http://www.free-time.ru/razdels/arzikl/b-18.html>.

⁸ Отметим, что и С. Триммер создавала свои «ужастики» в детских книгах. Как объясняет Википедия, атмосфера страха создавалась ею еще и из-за религиозных убеждений, в связи с которыми она «изображала природу как то, что «внушает страх», а не только как отражение божественной сущности Творца» (“...depicted nature as ‘awe-inspiring’ and a reflection not only of God’s divinity...” [22]).

6. *Потницева Т. Н.* Травелог Мэри Уолстонкрафт. «Короткое пребывание в Швеции, Норвегии и Дании»: на перекрестке судьбы, времени, литературы / Т. Н. Потницева // XVIII век: Женское/мужское в культуре эпохи / под ред. Н. Т. Пахсарьян. – М.: Экон-Информ, 2008.
7. *Роджерс Марина.* Воспитание / Марина Роджерс // Мир Просвещения / под ред. Винченцо Ферроне и Даниэль Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003.
8. *Руссо Ж. Ж.* Эмиль, или о воспитании / Ж. Ж. Руссо // Избр. произведения : в 3 т. – М.: ГИХЛ, 1961. – Т. 1.
9. *Серебрякова Галина.* Женщины эпохи Французской революции / Галина Серебрякова // Собр. соч. : в 5 т. – М.: Худож. лит., 1967–1969. – Т. 5.
10. *Соловьева Н. А.* Литература и философия в педагогических системах английского Просвещения. С. Джонсон, С. Филдинг, М. Эджуорт / Н. А. Соловьева // XVIII век. Литература как философия, философия как литература. – М.: Экон-Информ, 2010.
11. *Холмс Ричард.* Предисловие к английскому изданию «Песен невинности и опыта» / Ричард Холмс // Блейк Уильям. Песни невинности и опыта. – М.: Центр книги «Рудомино», 2010.
12. *Barbould A. L.* Hymns in Prose for Children / A. L. Barbould // Women' writing 1778–1838. An Anthology / ed. By Fiona Robertson. – Oxford : Univ. Press, 2001.
13. *Kaplan Cora.* Anger, Feminism and the Sublime / Cora Kaplan // Papers... Op. cit. – P. 37.
14. *Khin Law Susan.* The reasonable Heart. Mary Wollstonecraft's view on the relation between reason and feeling in morality, moral psychology and moral development as expressed in her writings for children / Susan Khin Law // Papers presented... Op. cit. – P. 74.
15. *Lucas E. V.* Editor's Introduction / E. V. Lucas // Wollstonecraft M. Original Stories. Op. cit.
16. *Martin Matilde.* Mary Wollstonecraft and the “Vindication of the Rights of Woman”: Post-modern Feminism vs. Masculine Enlightenment / Matilde Martin // Papers presented at The Mary Wollstonecraft in Sweden 1795–1995 Conference. Op. cit. – P. 51.
17. *Mitchell Orm.* Blake's Subversive Illustration to Wollstonecraft's Stories [Electronic resource] / Mitchell Orm // Mosaic. – 1984. – 174. – P. 25. – Access mode: <http://www.blakearchive.org/blake>.
18. *Robertson Fiona.* Anna Laetitia Barbould / Robertson Fiona // Women's Writing 1778–1838. An Anthology / ed. by Fiona Robertson. – Oxford : University Press, 2001.
19. *Summerfield Geoffrey.* Fantasy and Reason: Children's Literature in Eighteenth Century. Introduction [Electronic resource] / Summerfield Geoffrey. – L., 1984. – Access mode: http://www.autodidactproject.org/other/fantasyreason_01.html.
20. The Collected Letters of Mary Wollstonecraft. Letter 26 to George Blood, Newington Green, July 20, 1785 / ed. Janet Todd. – NY : Penguin Book, 2002.
21. *Tomalin Claire.* The Life and Death of Mary Wollstonecraft / Tomalin Claire. – NY : Penguin, 1992.
22. Trimmer Sarah [Electronic resource]. – Access mode: http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Sarah_Trimmer&printable=yes.
23. *Van Raamsdonk-Van de Woestijne Tine.* Mary Wollstonecraft and Madame de Genlis: Girls education, Revolution, Traveling and the Borders of Feminity / Tine Van Raamsdonk-Van de Woestijne // Papers presented at The Mary Wollstonecraft in Sweden 1795–1005 Conference, 2–6 September 1995, Uddevalla.
24. *Wollstonecraft Mary.* Original Stories [Electronic resource] / Mary Wollstonecraft ; with five illustrations by William Blake ; with an Introduction by E. V. Lucas. – L. : Henry Frowde, 1906. – Access mode: <http://ibiblio.org/pub/docs/books/gutenberg/3/6/5/0/36507-h/36507-h.htm>.
25. *Worth Jones Louis.* Mary Wollstonecraft [Electronic resource] / Louis Worth Jones // Dictionary of Unitarian and Universalist Biography 1999–2012. -- Access mode: <http://www25.uua.org/uhs/duub/articles/marywollstonecraft.html>.

Надійшла до редколегії 15.03.2012 р.